

О ВОЗМОЖНОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ГУМАНИТАРНОЙ ТЕХНОЛОГИИ

В.М. Розин

Институт философии РАН,
Москва, Россия

rozinvm@gmail.com

В статье рассматриваются примеры построения гуманитарной технологии и условия ее реализации. Показано, что технология вводится как новая реальность, которая описывает индустриальную деятельность на языке операций, их условий, разделения труда и управления; одновременно технологию характеризуют установки на качество, экономию, стандартизацию, рациональное описание производственных процессов, их оптимизацию, на подготовку новых специалистов-технологов. Обсуждаются особенности гуманитарного подхода и познания. Хотя личность и уникальность, характерные для гуманитарного подхода, в технологию ввести невозможно, для них можно предусмотреть функциональное место, а также рассматривать не «уникальную личность», т. е. такую, поведение которой не представляется возможным предсказать, а «личность массовую», для которой характерны определенные конечные варианты поведения, поскольку такая личность всегда действует в поле заданных культурой социальных условий. Чтобы на основе схемы гуманитарной технологии построить реалистическую гуманитарную технологию как практику, необходимо, в свою очередь, развернуть две практики – обучения и институционального (в том числе организационного) обеспечения.

Ключевые слова: технология, исследование, гуманитарный подход, интерпретация, личность, типология.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-1.1-9-22

Технология, вероятно, одно из ключевых слов XXI столетия. На слуху просто технологии, которые в настоящее время обнаруживают уже в неолите, характерные для нашего времени «высокие технологии», технологии социальные и, наконец, гуманитарные. Правда, по поводу двух последних возникают сомнения: существуют ли они реально или это просто фигуры речи. Если в социальных практиках с некоторой натяжкой можно говорить о социальных технологиях, то в гуманитарных (к тому же,

что это такое?) это большой вопрос. Действительно, читаем книгу З. Баумана «Актуальность холокоста» [2], в которой он описывает реальность времен построения Третьего рейха.

На первом этапе формирования этой социальной реальности нацистская элита, получившая власть, посылает обществу нужное для этой власти послание (месседж): немцам вменялись представления, по которым евреи – источник всех зол, и очищение от них Германии является

первоочередной национальной задачей. Узкой руководящей части элиты адресовалось другое послание – о необходимости «окончательного решения» еврейского вопроса.

Ко второму этапу можно отнести разработку необходимой для практического осуществления нацистского послания *социальной технологии* (сначала вытеснения евреев из Германии, затем полного их уничтожения). Эта технология включала в себя следующие этапы: *определение* (построение типологии, позволяющей отделить еврея от арийца, а также задать промежуточные типы)¹, *увольнение служащих и экспроприация коммерческих компаний, концентрация* (дистанцирование от общества и помещение в лагерь смерти), *эксплуатация труда и голодомор, уничтожение*. К третьему этапу, хотя он разворачивался одновременно со вторым, нужно отнести создание *институтов*, обеспечивающих воспроизводство созданной технологии (научных институтов изучения еврейского вопроса, отделов в СМИ, «экономического отдела Главного управления имперской безопасности», лагерей смерти). Можно предположить, что эти три этапа (разработка и вменение населению соци-

альных меседжей, создание технологии и типологий, формирование институтов) характерны для процессов «социальной технологизации» и в других социальных областях.

Из работы Баумана можно извлечь еще две характеристики, проясняющие особенности социальной технологии, причем не только фашистского государства. Это бюрократия и рационализм². Бюрократия, по Бауману, это популяция чиновников, действующая «целерационально» (термин М. Вебера) и, что не менее существенно, сообщество, полностью лишенное моральных и нравственных переживаний. Точнее, если даже такие переживания имеют место, то они никак не влияют на действия и решения чиновников-бюрократов. По сути, бюрократ так специализировался в своей профессии, что все его человеческие способности и сознание преобразились в «винтики» и «колесики» социальной машины (института). В этом смысле бюрократия представляет собой социальную технологию, существующую в форме антропологического материала и конструкции. Да, без людей социальная машина встанет, но

¹ «Определение обособляет виктимизированную группу (все определения означают разбивание целого на две части – маркированную и немаркированную) как отличную категорию, и что бы ни применялось к ней, не относится ко всем остальным. Посредством самого определения группа становится объектом особого обращения; то, что верно в отношении “обычных” людей, вовсе не обязательно верно в отношении такой группы. Индивиды – члены группы становятся теперь вдобавок экземплярами определенного вида. ... Наибольшей удачи нацисты достигли в обезличивании евреев. Чем больше еврей изгонялся из общественной жизни, тем сильнее он, казалось бы, подходил под стереотипы антиеврейской пропаганды, которая, как это ни странно, становилась тем сильнее, чем меньше евреев оставалось в самой Германии» [2, с. 224, 226].

² «Холокост впитал в себя огромное количество средств принуждения. Поставив их на службу единственной цели, он также дал им дополнительный стимул к их дальнейшей специализации и техническому совершенству. Однако гораздо важнее было не количество средств разрушения и даже не их техническое качество, а способ их использования. Устрашающая эффективность их использования главным образом зависела от исключительно *бюрократических, технических решений* (благодаря которым их использование приобрело стойкий иммунитет к противодействующему давлению, которому оно могло бы подвергнуться, если бы средства насилия находились под контролем рассредоточенных, разрозненных сил и использовались неорганизованно). Насилие превратилось в методику. Как все методики, оно лишено эмоций и является исключительно *рациональным*» [Там же, с. 121].

чтобы она эффективно работала, нужны не обычные люди с их переживаниями и экзистенциями, а специалисты, т. е. элементы социальной машины; это и есть бюрократия.

Но и рациональность относится к плану формирования социальной технологии. Дело в том, что любая технология, ориентированная на образцы инженерии, предполагает разбиение живых процессов на отдельные типы и операции, выявление условий, позволяющих их воспроизводить, установление связей и отношений между данными типами, операциями и условиями. При этом речь идет не об отдельных случаях, а о массовых и воспроизводимых (специалистами), поэтому все эмоции, переживания и тому подобные соображения должны быть элиминированы. Логика технической рациональности – это логика машины и индустриального массового производства, логика экономии и качества. В эффективной социальной машине не могут работать конструкции, ведущие себя не как механизмы, а как обычные люди, не свободные от переживаний и нравственных ценностей. Бюрократия исторгает таких людей и, наоборот, культивирует и поддерживает тех, кто ничем не отличается от бездушных винтиков и колесиков бюрократической социальной машины.

Почему, спрашивается, нельзя сформировать и гуманитарные технологии, например, в сфере образования? Однако вспомним, что такое гуманитарный подход. Он обязательно предполагает возможность для гуманитария не только провести в жизнь (прежде всего, в познании) свою позицию и понимание, но и, как писал М. Бахтин, «предоставить голос» *тому, кто познается*, на *кого* направлено действие гуманитария (назовем его «иницируе-

мым»): предмет науки о духе «не один, а два “духа” (изучаемый и изучающий, которые не должны сливаться в один дух). Настоящим предметом является взаимоотношение и взаимодействие “духов”» [1, с. 349]. Гуманитарная работа начинается с понимания и реконструкции текстов, затем она переходит на изучение и уяснение стоящей за текстом личности.

Получается личность против личности, гуманитарная мысль о мысли иницируемого. Последнее обстоятельство заставляло Бахтина даже сомневаться в том, является ли гуманитарная работа научной. «Если понимать текст широко, – писал он, – как всякий связанный знаковый комплекс, то искусствоведение имеет дело с текстами. Мысли о мыслях, переживания переживаний, слова о словах, тексты о текстах. В этом основное отличие наших (гуманитарных) дисциплин от естественных (о природе)... Дух не может быть дан как вещь (прямой объект естественной науки), а только в знаковом выражении, реализации в текстах... Каждый текст (как высказывание) является чем-то индивидуальным, единственным и неповторимым, и в этом весь смысл его... он (в своем свободном ядре) не допускает ни каузального объяснения, ни научного предвидения... Возникает вопрос, может ли наука иметь дело с такими абсолютно неповторимыми индивидуальностями... не выходят ли они за рамки обобщающего научного познания. Конечно, может» [1, с. 281, 283, 285, 287].

Здесь две проблемы. Первая: Бахтин говорит о гуманитарном познании и науке. Но если речь идет о гуманитарной технологии, то можно ли научное исследование истолковать как практическое дело, как технологию? Вторая: как правило, технология имеет дело не с уникальным, неповтори-

мым явлением, а с массовым. Если уж удалось построить технологию, то на ее основе можно создать не одно изделие или систему, а много. Подвесим пока эти проблемы и кратко охарактеризуем три основных понимания технологии: исторически исходное, достаточно сложное; более позднее, упрощенное – «технология в узком понимании»; наконец, тоже достаточно сложное – «технология в широком понимании».

Чтобы понять, что такое технология, как она формировалась, присмотримся к первым работам, в которых шла речь о технологии. Иоганн Бекманн, отмечает В. Горохов, «рассматривал технологию прежде всего как самостоятельную науку, область исследования которой – материально-техническая сторона процесса производства... С развитием промышленности возникает множество цехов, фабрик и мануфактур и еще большее число их работ, инструментов, материалов и товаров... Бекманн пытается систематизировать различные работы цехов и фабрик на научной основе, чтобы облегчить их изучение... он ставит проблему «переработать технологическую терминологию философски или систематически» [3, с. 349; 11].

Напрашивается гипотеза, что предпосылками технологии выступают, с одной стороны, промышленное (индустриальное) производство, с другой – научное осмысление разнообразных работ и процессов, имеющих место в этом производстве. Два взаимосвязанных вопроса: какие особенности индустриального производства необходимо было выявить и описать, а также что собой представляло данное научное осмысление? Обращу внимание на еще одну пионерскую работу в этой области, а именно на книгу Чарльза Бэббиджа «Экономи-

ка технологий и производств», написанную в 1882–1883 гг. (цит. по работе Д. Рыбалка [8]).

Бэббидж, как и Бекманн, ставит задачу научного осознания промышленного производства. Его концептуализация основана на трех важных новациях: идее *разделения труда*, представлении производственной работы (процесса) в форме *операций* и необходимой в условиях разделения труда деятельности *управления*. Дмитрий Рыбалка отмечает, что «кроме использования системы разделения труда в машинном производстве, Бэббидж также описывал применение разделения труда в интеллектуальной работе. Для иллюстрации он привел работу одного научно-исследовательского института, где вычислительные работы разбиты на несколько этапов, где расчет одной работы производит не один человек, который обязан знать все формулы и расчеты, а поэтапно много математиков, где каждый специализируется на определенном вычислении. Такая схема, во-первых, помогает, как и в случае с обычным разделением труда, экономить время выполнения работы; во-вторых, время обучения работника, поскольку ему не надо знать весь процесс, а лишь его объем работы; ну и, в-третьих, стоимость работы, поскольку специалистов, знающих весь процесс, не так много, да и их труд стоит гораздо дороже.

Кроме всех выгод и преимуществ разделения труда, Бэббидж также описывал и проблемы, из него вытекающие. В процессе использования системы разделения труда (при машинном производстве) каждый рабочий постоянно выполняет лишь свою операцию, поэтому из всех рабочих нет ни одного, который бы знал хорошо весь производственный процесс от начала и до конца. Здесь Бэббидж видит возникновение

проблемы появления управленческих кадров из работников данного предприятия, да и проблему возникновения управленческих кадров вообще.

Резюмируя, можно сказать, что основную проблему управления и проектирования Бэббидж видел в появлении специалистов-преподавателей, которые имели бы знание всех процессов и этапов проектирования, чтобы обучать новые поколения управляющих и проектировщиков. Вообще в начале работы Бэббидж много рассуждает о важности управления при производстве с использованием системы разделения труда и о важности написания как можно более простых и понятных инструкций для максимального упрощения рабочего процесса. В каком-то смысле он говорит о необходимости создания системы (подхода), которую чуть позже опишет Фредерик Тейлор и воплотит Генри Форд» [10].

Действительно, имеет смысл сравнить идеи Бэббиджа и Тейлора. Патриарх современного менеджмента Питер Ф. Друкер оценивает вклад Тейлора очень высоко, обращая внимание, что последний на основе науки создал настоящий метод. «То, что Тейлор увидел, по-настоящему заинтересовавшись трудовым процессом, вызывающее не соответствовало тому, что об этом писали поэты (Гесиод и Вергилий) и философ (Карл Маркс). Все они прославляли “мастерство”. Тейлор показал, что никакого мастерства в физическом труде нет, а есть простые, повторяющиеся движения. Производительными их делает знание, точнее, знакомство с оптимальными способами исполнения и организации. Именно Тейлор был первым, кто соединил знания и труд... В последнем столетии только одно философское течение могло конкурировать с учением Тейлора – марксизм.

Однако в конечном счете Тейлор победил и Маркса» [4, с. 185, 187].

И правда, Тейлор произвел в области совершенствования производства настоящую революцию, и вот в чем она заключалась. Он перевел естественный процесс формирования производства в культуру в процесс искусственный. Для этого он предложил исследовать производственную деятельность (на материале физического труда), оптимизировать ее на схемах, созданных на основе исследования, затем с помощью этих схем организовать новую деятельность. В изложении Друкера принципы Тейлора таковы.

«Первый принцип повышения производительности физического труда гласит: надо изучить задачу и проанализировать движения, необходимые для ее выполнения. Второй принцип: надо описать каждое движение и составляющие его усилия, а также измерить время, за которое оно производится. Третий принцип: устранить все лишние движения; каждый раз, начиная изучать физический труд, мы обнаруживаем, что большинство освященных временем процедур оказываются пустой тратой времени и мешают производительности труда. Четвертый принцип: каждое из оставшихся движений, необходимых для выполнения поставленной задачи, снова соединяются вместе – так, чтобы работник тратил на его выполнение как можно меньше физических и умственных усилий и минимальное количество времени. Потом все движения снова соединяют в единую логическую последовательность. Наконец, последний принцип гласит: необходимо соответствующим образом изменить конструкцию всех инструментов, используемых в данной работе» [Там же, с. 184].

Друкер прав, утверждая, что все последующие творцы в менеджменте шли вслед

за Тейлором. Действительно, они исследовали сложившуюся производственную деятельность и организацию, затем на основе знаний, полученных в таком изучении, проектировали новое производство и организацию, потом внедряли этот проект, кардинально перестраивая производство. Понятно также, почему в менеджменте такое значение приобрели, с одной стороны, научные исследования, с другой – проектирование и организация работ. Попробуем теперь охарактеризовать особенности становления технологии этого периода. Начнем с промышленного (индустриального) производства.

Первое, на что стоит обратить внимание: индустриальное производство основано на *работе машин*, и это – *массовое производство*; второе: индустриальное производство складывается в условиях буржуазной *конкуренции*; третье: воспроизводство индустриального производства предполагает подготовку новых специалистов и, следовательно, их *обучение*. Как массовое машинное производство, индустрия ускоряет разделение труда, а также формирует установки на *стандартизацию*. Чтобы устоять в конкурентной борьбе, приходится экономить и бороться за качество. Кроме того, конкуренция, начиная с работ Тейлора, заставляет *изучать, оптимизировать и перестраивать производство*, а также опять *обучать*. Еще одно следствие, как мы показали выше, – формирование управления.

Спрашивается, каким образом все эти моменты схватываются и концептуализируются в научном знании? Нетрудно догадаться, какой ответ я предложу: вводится (открывается) *новая реальность*, а именно *технология*, которая описывает индустриальную деятельность в языке *операций, их условий, разделения труда, управления*. Одновременно тех-

нологию начинают характеризовать установки на *качество, экономию, стандартизацию, рациональное описание производственных процессов и их оптимизацию, на подготовку новых специалистов-технологов*.

Теперь второе, упрощенное понимание технологии, которое мы назвали «технологией в узком понимании», сложившееся в конце XIX и начале XX столетия. Для него характерен акцент преимущественно на операциональной и деятельностной стороне дела. Например, в экономическом словаре дается такое понятие: «Технология – способ преобразования вещества, энергии, информации в процессе изготовления продукции, обработки и переработки материалов, сборки готовых изделий, контроля качества, управления» [5]. В конце XIX столетия Альфред Эспинос в книге «Возникновение технологии» предлагал создать учение о различных видах искусств и техник, причем они рассматривались как виды деятельности [10, с. 38–40]. По мнению Эспиноса, технология, изучающая основные законы человеческой практики, должна представлять собой «общую праксиологию», заполняя тем самым пробел в современном органоне знаний – отсутствие «философии действия».

Начиная со второй половины XX столетия, технологию стали понимать более широко: под ней подразумевали не только описание практик и деятельности, приемов и методов, но сложную реальность, которая в функциональном отношении обеспечивает те или иные цивилизационные завоевания (то есть является механизмом новаций и развития), предполагает управление, инженерные и научные исследования и разработки и, что важно, существенно детерминруется рядом социокультурных факторов.

За примерами не надо ходить далеко: к технологиям в широком понимании можно отнести, например, создание мобильной связи. При проектировании и разработке подобных систем собственно инженерное мышление, предполагающее изучение природных процессов, расчеты конструкции и прочее, образует важный, но не единственный тип работы. Не менее, а, может быть, даже более существенными выступают другие моменты: выяснение условий, обеспечивающих эти процедуры, ресурсное обеспечение, организация сложной деятельности, управление и т. д. – и их воплощение в жизнь, без чего лежащие в основании подобных проектов инженерные разработки не могут быть осуществлены. В результате основная работа смещается на эти области, а инженерные решения становятся лишь одним из ее аспектов.

Например, реализация советского атомного проекта предполагала не только исследования в области ядерной физики и химии, проведение сложных расчетов, изобретение реакторов и атомной бомбы, но и *создание коллективов разработчиков, закрытых городов и атомной промышленности, поиск и подготовку специалистов* (наряду с нашими учеными и инженерами в реализации атомного проекта участвовали около 300 крупных немецких специалистов, вывезенных из побежденной Германии), *принятие решения о выделении огромных средств, организацию шпионской деятельности* (некоторые историки утверждают, что наши разведчики обеспечили не меньше половины успеха), *создание беспрецедентной секретности, эффективное управление* всем процессом и многое другое [9]. Конечным продуктом ядерного проекта являлась не только атомная бомба, т. е. инженерное сооружение, но и создание атомной промышленности и технологии в широком

понимании, позволяющих создавать как атомные бомбы разного назначения, так и ядерные реакторы, в том числе и для мирных целей. Можно ли считать атомную технологию и промышленность продуктами инженерной деятельности? Нет, скорее это продукты осуществления большого технологического проекта.

Технологический подход затронул и мышление, что, несомненно, повлияло на формирование методологии как самостоятельной дисциплины, которая начинает складываться в разных областях философии и науки. Другими словами, будучи вначале всего лишь необходимым моментом интеллектуальной деятельности, методология становится самостоятельной дисциплиной, поскольку в этот период складываются социокультурные условия воспроизводства технологии. Создаются интеллектуальные практики, в которых технология осознается и осмысливается (философия техники, праксиология, методология), формируются специалисты (технологи, системотехники, методологи), создаются специальные технологические концепции, теории и программы. Под влиянием этих социокультурных условий и складывается методология как технология мыслительной работы (деятельности).

Вернемся к вопросу о возможности гуманитарной технологии, а также о том, как ее понимать. Стоит согласиться: в настоящее время такой технологии не существует. Однако это не означает, что гуманитарная технология не может быть создана. Подобно тому, как Тейлор *перевел естественный процесс формирования производства в культуру в процесс искусственный*, можно поставить задачу перевести *естественные процессы гуманитарного познания и гуманитарной практики в процесс искусственный, технологический*. Для это-

го нужно, во-первых, сменить модальность с естественной на искусственную – не гуманитарное познание и практика, а гуманитарно ориентированная технология; во-вторых, особым образом, с ориентацией на построение гуманитарной технологии, описать работу гуманитария; в-третьих, построить конкретный вариант гуманитарной технологии.

Вопрос, как быть с личностью и уникальностью, характерными для гуманитарного подхода? Не буду юлить: личность и уникальность в технологию ввести невозможно. Но для них можно предусмотреть функциональное место, а также рассматривать не «уникальную личность», т. е. такую, поведение которой не представляется возможным предсказать, а «личность массовую», для которой характерны определенные конечные варианты поведения, поскольку такая личность всегда действует в поле заданных культурой социальных условий (о различии личности массовой и уникальной см. [6]). Поясню на примере своего исследования «Две жизни А.С. Пушкина» [7, с. 108–127].

Читая однажды письма Пушкина, я поймал себя на мысли, что мне совершенно не понятны ни поступки, ни высказывания великого поэта, особенно по отношению к женщинам, кутежам и карточной игре. Игнорировать свое непонимание я не мог, слишком велико в моей душе было значение Пушкина. Но я не мог и жить с таким непониманием, и отмахнуться от возникшей проблемы. Читая письма дальше, я с определенным удовлетворением отметил, что сходная проблема не давала покоя и Петру Чаадаеву. Не правда ли, удивительно: Чаадаев пишет, что Пушкин «мешает ему идти вперед». Спрашивается, при чем здесь Пушкин? Иди вперед, если хочешь.

Но в том-то и дело: если Пушкин мой, во мне, часть моего я, то я не могу отмахнуться, если не понимаю или не одобряю его поступки.

С точки зрения особенностей гуманитарного познания исходная познавательная ситуация задается проблемой, связанной с пониманием текстов (Пушкина и других авторов) и необходимостью вырабатывать собственное отношение к их различным интерпретациям. Но не только. Эта ситуация задается и моей экзистенциальной проблемой. Размышляя над возникшей ситуацией, я вспомнил, что писал Бахтин относительно гуманитарного познания: «Чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты, как вещи, – с ними можно только диалогически общаться. Думать о них – значит говорить с ними, иначе они тот час же поворачиваются к нам своей объектной стороной: они замолкают, закрываются и застывают в завершенные объектные образы» [1, с. 116]. Конечно, нехорошо, подумал я, если Пушкин повернется ко мне спиной, поэтому предоставляю ему возможность объясниться.

Другими словами, я решил справиться со сложившейся ситуацией, разрешить ее путем гуманитарного познания, предоставив голос самому Пушкину, чтобы он отвечал на мои недоумения. Для этого пришлось выстроить методологию исследования. Я искал в письмах Пушкина ответы на свои вопросы, старался вжиться в позицию Пушкина, чтобы увидеть мир его глазами; сам и с помощью Ю. Лотмана реконструировал его время, нравы, обычаи. Я анализировал поступки Пушкина и старался понять их мотивы; короче, сделал все, чтобы Пушкин действительно стал моим, чтобы, как писал Чаадаев, он позволил мне идти

своим путем, чтобы я смог жить вместе с Пушкиным.

Например, я понял, что Пушкин был романтиком, что карточная игра в его время имела совершенно другой смысл, чем в наше (это была форма преодоления не-свободы); что отношение Пушкина к женщинам отчасти было обусловлено тем, что он был помещиком; что на Пушкина большое влияние оказывали его друзья, не согласные с его образом жизни; наконец, и сам Александр Сергеевич все больше осознавал несоответствие своего образа жизни с ролью национального поэта России. Опираясь на этот сконструированный мною образ Пушкина (идеальный объект), я смог показать, что на рубеже 30-х годов с Пушкиным происходит духовный переворот. Он пересматривает свою жизнь, отказывается от прежних ценностей, принимает на себя ряд задач, направленных на служение России.

При этом я, безусловно, вел исследование творчества Пушкина, но главным было не подведение Пушкина под какую-то известную мне схему или теорию творчества, а движение в направлении к Пушкину и, надеюсь, движение Пушкина ко мне, поскольку я старался предоставить Пушкину полноценный голос. То есть мое исследование как тип мышления представляло собой создание условий для нашей встречи, для общения. Структура и логика мысли задавались в данном случае не правилами, категориями или построенной ранее схемой, хотя все это я использовал по мере необходимости, а именно работой, направленной на встречу и общение с Пушкиным.

Обращу внимание: в данном исследовании можно увидеть все основные характеристики гуманитарного познания. Постигание явления (жизни Пушкина) пу-

тем конструирования идеального объекта (я приписывал Александру Сергеевичу различные характеристики – он романтик, на него влияли его друзья и т.д.). Опора на факты (письма Пушкина и события, установленные другими исследователями). Стремление дать научное (культурологическое и психологическое) объяснение. Движение в пространстве разных точек зрения (я начал с обсуждения противоположных оценок личности и жизни Пушкина). Попытка правильно понять тексты (письма Пушкина и высказывания о нем). Сознательное проведение в исследовании своих ценностей – культурологических, гуманитарных, методологических. Подчинение исследования задаче общения с Пушкиным, встречи с ним.

Теперь посмотрим на все это под углом построения гуманитарной технологии. Дело в том, что я действительно хотел наметить принципиальные особенности гуманитарного исследования, т. е. речь шла о построении гуманитарной технологии. Вот ее основные характеристики.

Гуманитарное исследование определенного типа (вероятно, есть и другие типы) начинается с осознания и формулирования экзистенциальной ситуации, касающейся гуманитария (в данном примере это была ситуация неприятия и непонимания мною поступков Пушкина). Эта ситуация требует своего разрешения.

Гуманитарий начинает свою работу (исследование и разрешение возникшей проблемы) с анализа и интерпретации текстов, за которыми стоит личность иницируемого (я начал с анализа писем Пушкина и текстов пушкиноведов).

При этом гуманитарий должен позиционироваться в поле других точек зрения (мнений и интерпретаций других ис-

следователей) – «включиться в гуманитарный скандал». С одними гуманитариями он может согласиться, другим – возражать и сформулировать собственную позицию.

Нередко гуманитарий для решения своих задач, которые, как правило, являются новыми, должен наметить методологию своего исследования. Например, я решил, что буду выступать в роли культуролога, предоставляю голос Пушкину, попробую своим исследованием выстроить образец гуманитарного мышления.

Собственно гуманитарное исследование состоит в согласованном движении в двух пространствах. В одном идет конструирование иницируемого как «идеального объекта». В другом пространстве гуманитарий общается с иницируемым с целью разрешения своей экзистенциальной проблемы (задает ему вопросы, старается понять и пр.). При этом гуманитарий должен опираться на проанализированные тексты (суметь их задействовать и понять). Он должен следить за правдоподобностью и обоснованностью своих построений и рассуждений. На основе знаний, полученных

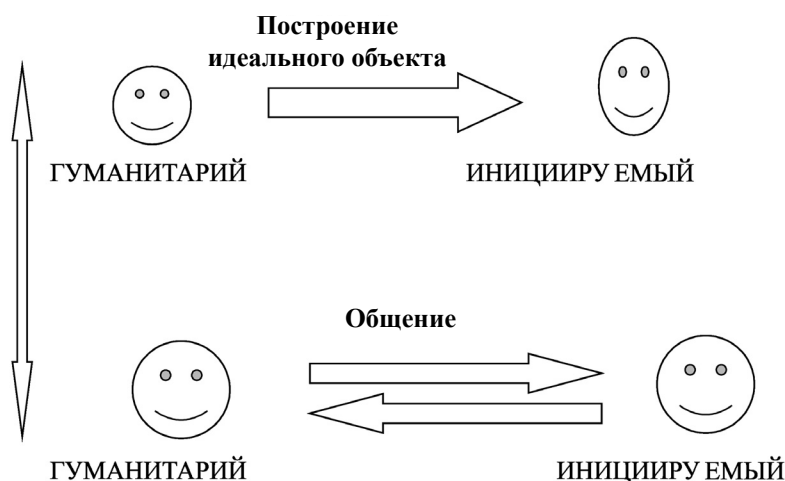
в ходе конструирования идеального объекта, а также ряда других (уже теоретических) соображений гуманитарий получает новые знания. В моем примере это было знание о том, что у Пушкина на рубеже 30-х годов произошел духовный переворот.

В рамках проведенного гуманитарного исследования могут быть построены схемы, которые применимы для использования и в науке, и в гуманитарных практиках. Например, опираясь на исследование жизни Пушкина, я вышел на такую схему (см. рисунок).

В намеченной здесь схеме гуманитарной технологии невозможно учесть конкретные действия исследователя-гуманитария. Однако вполне можно задать и рассмотреть несколько вариантов его социального поведения. Так, во-первых, гуманитарий может приписать иницирующему разные характеристики (т. е. по-разному конструировать его как идеальный объект). Во-вторых, в рамках общения возможны разные случаи: понимание, непонимание, совместные действия и др. В-третьих, иницирующий может действовать тоже по-разному (например, Пушкин смог осознать

неудовлетворительность своей жизни и изменить ее, но мыслимы и другие варианты личного поведения – защитное, конформистское, амбивалентное, непоследовательное и пр.).

В данном конкретном случае построение схемы гуманитарной технологии было облегчено использованием ав-

тором гуманитарно ориентированной методологии («методологии с ограниченной ответственностью»). Один из важнейших принципов любого направления методологии – деятельностный подход. В соответствии с ним методологический анализ и конституирование предполагают анализ мышления как деятельности. Но деятельностный подход лежит в основании и технологии. Получается вывод, сформулированный выше: методология – это вариант технологии мышления. Реализовать его можно двояко: как технологию в узком понимании (но в этом случае нет гарантии, что гуманитарную технологию удастся реализовать практически, поскольку мы не знаем необходимые условия ее существования) или как технологию, включающую условия, необходимые для ее практического построения (назовем этот вариант технологии «реалистическим»).

Так вот, чтобы на основе схемы гуманитарной технологии построить реалистическую гуманитарную технологию, необходимо, в свою очередь, развернуть две практики – обучения и институционального (в том числе организационного) обеспечения. Действительно, построенная здесь схема гуманитарной технологии по настоящему понятна только ее автору. Для овладения ею, для ее практического использования нужно обучение. Но даже если она освоена (как *знание* того, каким образом на ее основе построить реалистическую гуманитарную технологию), необходимо создать *условия*, в которых подобная технология может функционировать. Приведу пример из собственной педагогической практики.

Последние десять лет я читаю семестровый курс «Введение в философию» для студентов философского и полито-

логического отделений Государственного академического университета гуманитарных наук. Курс состоит из лекций и работы в творческих группах. Одна из моих задач – приобщить студентов к гуманитарной и методологической работе.

Курс лекций построен следующим образом. Выбираются четыре базисных философских произведения: «Пир» Платона, «О душе» Аристотеля, «Исповедь» Св. Августина, «Вопрос о технике» М. Хайдеггера. Каждое произведение прочитывается дома студентами. На лекции они «проблематизируются»: обсуждаются непонятные места, выявляются противоречия, сравниваются высказывания комментаторов (подбираются по возможности противоположные подходы и точки зрения), ставятся собственно проблемы. Проблематизация позволяет поставить вопрос о том, как можно понять, что собой представляет данное философское произведение, какие идеи хотел провести его автор. В качестве решения я предлагаю провести культурно-историческую реконструкцию данного произведения. При этом формулируются три основные цели: понять, что собой представляет данное произведение, познакомиться с образцами философской работы, войти в реальность философии.

Затем я демонстрирую непосредственно культурно-историческую реконструкцию произведения. Она включает анализ социокультурной ситуации, в контексте которой было создано произведение, и воссоздание целей, задач, методологических установок и способов решения, которые предположительно были характерны для автора произведения. Параллельно с реконструкцией идет обсуждение «рефлексивных содержаний» (например, что такое проблема, чем она отличается от за-

дачи; какую роль выполняет проблематизация; что такое культурно-историческая реконструкция, в чем ее отличие от исторического исследования; почему необходимо реконструировать методологию и мироощущение автора, создавшего произведение; для чего философ использует схемы и что это такое и т. д.). Затем я начинаю обсуждение вопроса о сущности философии, путях ее формирования, фигуре философа.

Групповая работа (в группу входит от двух до четырех студентов) заключается в написании работы по материалам двух моих методологических романов. Участники группы должны не пересказывать содержание романов, а совместно ответить на поставленные по их поводу вопросы (например, следующие: *какие темы обсуждаются в данном романе; можно ли охарактеризовать замысел и сюжетную линию романа; какими приемами пользовался автор; чем от него отличается главный герой; как автор понимает, что такое философия; какие проблемы вы видите в современном мире, и может ли философия (социальные науки) помочь в их решении*). Форму и жанр работы студенты определяют сами, она может быть самой разной (монологическое повествование, диалог, строго научный дискурс, научно-художественное построение и прочее). Я старался, чтобы лекции, вопросы и свободная форма жанра сочинения способствовали становлению у студентов творческого отношения к работе.

Можно заметить, что структура и содержание данного курса «Введение в философию» строятся с использованием основных представлений гуманитарного подхода и науки, а также установок на контекстуальность и рефлексивность. Групповая работа может быть понята как пример новой образовательной практики. Своих студентов

я рассматриваю как новое поколение, которое на лекциях и в группах заново, по своему воспринимает то знание, которое я им стараюсь передать. Поэтому сдвиг в понимании, произошедший в последние два года, и яркая креативность многих студентов (это продемонстрировали творческие тексты) вполне закономерны, хотя меня и приятно удивили.

Литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
2. Бауман З. Актуальность холокоста. – М.: Европа, 2010. – 316 с.
3. Горохов В.Г. Техника и культура: возникновение философии техники и теории технического творчества в России и Германии в конце XIX – начале XX столетия. – М.: Логос, 2010. – 349 с.
4. Друкер П. Задачи менеджмента в XXI веке. – М.: Вильямс, 2004. – 272 с.
5. Краткий экономический словарь [Электронный ресурс]. – URL: <http://ekslovar.ru/> (дата обращения: 17.01.2017).
6. Розин В.М. Развитие и воспитание человека в пространстве индивидуальной и социальной жизни. – М.; Тверь: СФК-Офис, 2016. – 272 с.
7. Розин В.М. Особенности дискурса и образцы исследования в гуманитарной науке. – М.: Либроком, 2009. – 208 с.
8. Рыбалка А. Чарльз Бэббидж. Экономика технологий и производств. Анализ [Электронный ресурс]. – URL: <http://neoeconomica.ru/theory.php?id=221> (дата обращения: 17.01.2017).
9. Создание советской атомной бомбы [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BE%D0%B7%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BC%D0%BD%D0%BE%D0%B9_%D0%B1%D0%BE%D0%BC%D0%B1%D1%8B (дата обращения: 17.01.2017).

10. Философия техники: история и современность / отв. ред. В.М. Розин. – М.: ИФ РАН, 1997. – 283 с.

11. Banse G., Wollgast S. Biographien bedeutender Techniker. – Berlin: Volk und Wissen, 1987.

ON THE POSSIBILITY OF CONSTRUCTING A HUMANITARIAN TECHNOLOGY

V.M. Rozin

Institute of Philosophy RAS,
Moscow, Russian Federation

rozinvm@gmail.com

The article discusses what the technology is and how one can build a humanitarian technology. It is shown that the technology is introduced as a new reality, which describes the industrial activities in the language of operations, their conditions, division of labor and management; at the same time, technology is characterized by the quality of installation, cost savings, standardization, rational description of the production processes, optimizing them for the training of new professionals – technologists. The author characterizes the features of the humanitarian approach and cognition. Though it is impossible to introduce a unique personality, which is characteristic of the humanitarian approach, into the technology, it is quite possible to provide a functional place for it. And it is better to consider not “a unique personality”, the behavior of which, is difficult to foretell, but “a common personality”, which is characterized by certain behaviors, because such a person always acts in the way, defined by the set rules predetermined by social conditions. In order to construct a realistic, humanitarian technology with a practical application, it is necessary to organize two activities: training and institutional support as well as the organizational one. The author illustrates these statements with the example of constructing a humanitarian technology and discusses the conditions for its implementation.

Keywords: technology, research, humanitarian approach, interpretation, personality, typology.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-1.1-9-22

References

1. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 424 p.

2. Bauman Z. *Modernity and the Holocaust*. Ithaca, New York, Cornell University Press, 1989 (Russ. ed.: Bauman Z. *Aktual'nost' holokosta*. Moscow, Europa Publ., 2010. 316 p.).

3. Gorokhov V.G. *Tekhnika i kul'tura: voznikovenie filosofii tekhniki i teorii tekhnicheskogo tvorchestva v Rossii i Germanii v kontse XIX – nachale XX stoletiya* [Technology and culture: the emergence of the philosophy of art and technical creativity theory in Russia and Germany in the late XIX – early XX]. Moscow, Logos Publ., 2010. 349 p.

4. Drucker P.F. *Management Challenges in the XXI century*. New York, Harperbusiness, 1999 (Russ. ed.: Druker P.F. *Zadachi menedzhmenta v XXI veke*. Moscow, Williams Publ., 2004. 272 p.).

5. *Kratkii ekonomicheskii slovar'* [Concise dictionary of economics]. Available at: <http://ekslovar.ru/> (accessed 17.01.2017)

6. Rozin V.M. *Razvitiye i vospitanie cheloveka v prostranstve individual'noi i sotsial'noi zhizni* [Development and human education in the space of individual and social life]. Moscow, Tver', SFK-Ofis Publ., 2016. 272 p.

7. Rozin V.M. *Osobennosti diskursa i obraztsy issledovaniya v gumanitarnoi nauke* [Features discourse and patterns of research in the humanities]. Moscow, Librokom Publ., 2009. 208 p.

8. Rybalka D. *Charl'z Bebbidz'b. Ekonomika tekhnologii i proizvodstv. Analiz* [Charles Babbage. Economics of technology and industries. Analysis]. Available at: <http://neoeconomica.ru/theory.php?id=221> (accessed 17.01.2017)

9. *Sozdanie sovetskoi atomnoi bomby* [Soviet atomic bomb project]. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BE%D0%B7%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82%D

[1%D1%82%D0%BE%D0%BC%D0%BD%D0%BE%D0%B9_%D0%B1%D0%BE%D0%BC%D0%B1%D1%8B](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%82%D0%BE%D0%BC%D0%BD%D0%BE%D0%B9_%D0%B1%D0%BE%D0%BC%D0%B1%D1%8B) (accessed 17.01.2017)

10. Rozin V.M., ed. *Filosofiya tekhniki: istoriya i sovremennost'* [Philosophy of technology: past and present]. Moscow, RAS Institute of Philosophy Publ., 1997. 283 p.

11. Banse G., Wollgast S. *Biographien bedeutender Techniker*. Berlin, Volk und Wissen, 1987.